

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Есть люди, значительность которых осознаешь с первого взгляда, с первых слов, — когда еще ничего не знаешь ни о самом человеке, ни о его поприще. Таков — Петр Зальцман, «артист в силе» (как сказал бы Пастернак), мастер резьбы на морских раковинах, уроженец Ленинграда, а ныне британец и почетный гражданин Сити. Все в его облике, в его громадной фигуре и неторопливых движениях, в открытом, неулыбчивом лице дышит тем особым спокойным достоинством,

все цвета в моих работах — естественные, и достигается это сниманием слоев... Иной раз я покупаю раковины в лавках или на рынках Лондона, иногда же приходится ездить за ними и в теплые страны. Найти подходящую раковину бывает непросто. Мне нужны раковины, живущие на глубине в 150-200 метров...

— Когда признание перешло в известность?

— Пожалуй, еще в России, где у меня в общей сложности было около 70 выставок. Самая важная состоялась перед переез-

Почетный гражданин Сити

С художником-резчиком Петром Зальцманом беседует Джонатан Молдаванов

которое отличает людей, работающих руками, — мастеровых и художников.

Камей — древнее искусство, быть может, самое древнее среди искусств изобразительных. Морские раковины — едва ли не древнейший из материалов, когда-либо волновавших творческое воображение человека. Ни резец, ни техника резьбы не претерпели серьезных изменений с начала железного века. Спрашивается: какое же новое слово можно тут сказать? Этот вопрос вертелся у меня на языке, когда я переступал порог дома Петра Зальцмана в ТоттрIDGE, на севере Лондона, — но он стал ненужным и пустым уже при первом взгляде на работы мастера. Только в эпохи глубочайшего упадка искусств новизна становится самодовлеющей ценностью. Подлинный художник равнодушен к ней, ибо служит не новому, но прекрасному. Прегжими шедеврами он не довольствуется не потому, что они — старые (прекрасное не стареет), а потому, что видит мир по-иному. Так понимали искусство веками, до наступления эпохи модернизма (в России убедительнее всего об этом писал Владимир Соловьев), — и об этом же безмолвно, но красноречиво говорят работы Петра Зальцмана. Совершенное слияние творческого воображения и мастерства — вот единственный способ определить в слове рассчитанное на восприятие глазом (и душою) творчество Петра Зальцмана.

Я попросил художника рассказать о себе.

— Я родился в Ленинграде в 1952 году, закончил архитектурный факультет Академии художеств, работал в мастерской академика С.Б.Сперанского. Резьбой на раковинах (глиптикой) начал заниматься уже с третьего курса — помню, сидел на лекциях по сопромату на последней парте и вырезал кольца, сережки, брошки... Все это шло параллельно с архитектурой, которую я очень любил. В 1979-м был принят в союз художников — как резчик.

— Но кольца, сережки, брошки плохо вяжутся с тем, что я вижу перед собою: с чудесными психологическими портретами и тончайшими архитектурными пейзажами.

— Поначалу я мало отличался от других изготовителей бижутерии, поставлявших камей в Лавку художника на Невском проспекте. Но постепенно меня начали привлекать более крупные вещи, которых не делал никто и которые в смысле заработка не окупались. Уже на первой выставке у меня был портрет Шекспира и еще несколько серьезных работ, сейчас находящихся в Эрмитаже... Я сам изобрел несколько приемов резки, которые теперь всегда связывают с моим именем. Главным образом это использование особенностей естественного рельефа раковин — таких, как родимые пятна, вкрапления. Нередко уже форма раковины подсказывает тему.

— Это — как с глыбой мрамора, в которой статуя уже заключена, — нужно только снять лишнее. А какие раковины вы используете? Есть у вас какая-то любимая порода?

— Нет, все раковины — разных пород. Их подбор требует времени и терпения, ведь раковина для меня — та же палитра:

Зимняя Канавка. Резьба на раковине.

дом в Лондон, в 1989 году, в ленинградском Музее Александра III (в ту пору он еще назывался музеем этнографии). В Лондоне я оказался в 1990 году. Недавно меня избрали членом компании ювелиров и золотых дел мастеров Сити, древнейшей корпорации, ведущей свое начало с XIII века. Корпорация эта в сущности закрытая, места в корпорации обыкновенно передаются по наследству, от отца к сыну. Меня приняли по специальному решению суда — столь необычен оказался мой случай. И то сказать: за восемь лет я выиграл у них десять призов, в основном — первые. А недавно меня удостоили еще одной редкой награды: я стал почетным гражданином лондонского Сити, древнего союза ремесленных корпораций...

— А как вы оказались в Англии?

— С конца 80-х годов я приезжал сюда на выставки в качестве участника, и в 1989 году меня пригласили быть содиректором очень популярной тогда русской галереи и преподавать в художественной школе.

— Как вы представлены в крупнейших музеях мира?

— У меня 11 работ в Эрмитаже, три — в московском Музее изобразительных искусств им. Пушкина, около двадцати — в российском Театральном музее. Несколько моих камей — в Гданьской национальной галерее, три работы — в Лувре. А вот британские музеи ничего у меня не покупают: нет денег. Да и не только в этом дело. Здесь хороший художник — мертвый художник.

— Какими инструментами вы работаете?

— Да самыми незамысловатыми. Вот, взгляните на эти резцы, я сам их затачиваю, на вид они абсолютно невзрачные, никогда не подумаешь, что ими делается такая тонкая резьба. Просто кусок железа для того, чтобы скрести по камню, — ибо раковина тот же камень, четвертой градации по шкале твердости... Иной раз спрашивают: а бывают у вас ошибки? И приходится отвечать: нет, не бывает, — ведь мне, чтобы провести линию в полсантиметра, нужно сделать 100-150 движений. Как же уж тут ошибки? Это ведь не рисунок, который делают одним росчерком. Я уже на двадцатом движении почувствую, что линия неверна.

— Много ли у вас всего работ?

— Вероятно, около двухсот, точнее не помню. Иной раз на одну камею уходят месяцы, а я не принимаюсь за следующую, пока не закончу эту. Сейчас же я делаю 8-12 работ в год, и если одна-две продаются, то на жизнь хватает. Работать на заказ не люблю, еще в России пробовал, да не выходило. Свобода для художника — не допуская выдумка, а самая насущная потребность.

Лондон